

Алёна Голубева

Рассказы

Алёна Голубева

Рассказы

<https://litres.ru/74181797>

SelfPub; 2026

Аннотация

Небольшой сборник выдуманных историй, магия, волшебство
море, драконы.

Содержание

Таинственный вечер Санкт-Петербурга	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алёна Голубева

Рассказы

Таинственный вечер Санкт-Петербурга

С заходом солнца Петербург сбрасывает с себя строгий мундир имперской столицы. Дневная суeta стихает, растворяясь в гранитных набережных, и город медленно погружается в свою истинную, мистическую атмосферу. Белые ночи давно миновали, уступив место густым осенним или зимним сумеркам, которые здесь наступают стремительно, накрывая улицы плотной синей вуалью.

В это время архитектура начинает жить своей тайной жизнью. В тусклом свете редких фонарей фасады доходных домов на Петроградской стороне кажутся театральными декорациями к готическому роману. Тяжелый лепной декор — маскароны сатиров, атланты, подпирающие балконы, и каменные гарпии — словно следит за редкими прохожими пустыми глазницами. На Литейном проспекте из темноты выступает знаменитый «Дом с башнями», чьи неоготические силуэты отбрасывают на мостовую причудливые ломаные тени. А дворы-колодцы превращаются в акустические ловушки.

ки: любой случайный звук многократно отражается от стен, создавая гулкую, звенящую тишину.

Нева меняет свой облик до неузнаваемости. Днем она была просто широкой рекой, отражающей небо, но сейчас ее воды становятся чернильными, тяжелыми и маслянистыми. Гранитные парапеты хранят дневное тепло, но от самой реки тянет ледяным холодом. Если подойти ближе, можно услышать глухой плеск волн о спуски у Академии художеств и разглядеть медленное движение невских вод сквозь чугунные решетки. Мосты разводятся без единого лишнего звука — этот ночной ритуал выглядит абсолютно бесшумным со стороны спящих улиц, лишь издалека доносится низкий гудок одинокого буксира.

Туман — еще один главный режиссер петербургского вечера. Он может опуститься внезапно, превратив соседний дом в размытое пятно всего за пару минут. В такие минуты город теряет свои четкие границы. Фонари на Университетской набережной пробиваются сквозь белую мглу дрожащими желтыми нимбами, а шпиль Петропавловской крепости парит где-то высоко в небе, полностью оторванный от земли. Идеальная погода для того, чтобы представить, как из тумана навстречу выйдет призрак Павла I со стороны Михайловского замка — места, которое даже в самый ясный полдень окутано легендами об убийстве императора.

Петербургский вечер требует особого ритма ходьбы. Здесь невозможно спешить, потому что каждый шаг по брус-

чатке Миллионной улицы или Гороховой рождает эхо. Город заставляет замедлиться, вслушиваться и вглядываться. Из-за угла Пяти углов вдруг зазвучат отдаленные басы контрабаса из какого-то джаз-клуба, а со стороны Новой Голландии потянет запахом жженных дров из уличных жаровен. Стоит остановиться под аркой Генерального штаба, поднять голову вверх, где смыкаются темные своды, и закрыть глаза. И тогда обязательно покажется, что за спиной кто-то есть. Это может быть сквозняк, гуляющий по бесконечным анфиладам проходных дворов, игра воображения или настоящий городской фантом. Говорят, если долго стоять неподвижно, можно различить едва уловимый шелест платья или скрип шагов по невидимой лестнице.

Таинственность Петербурга — это не только городские легенды о Раскольникове, старухе-процентщице или бродящем по городу Гоголе. Это физика самого пространства: странная акустика колодцев, искажающая голоса, преломление света во влажном воздухе, оптическая иллюзия вечно низкого свинцового неба. Этот город никогда не спит по-настоящему. Когда его парадные двери закрываются, открываются черные ходы, ведущие напрямик в прошлое. Вечерний Санкт-Петербург смотрит на своего гостя пристально и испытующе, задавая немой вопрос: готов ли ты узнать то, что скрывается за фасадом блистательной Северной Венеции? И чаще всего ответ приходит сам собой вместе с очередным порывом ветра с Финского залива.

Хроники Контралёра: Охота на призраков в стальном чреве

Город, этот гигантский, вечно дышащий монстр из бетона и стекла, проглатывал людские потоки с утробным урчанием. В его стальных артериях, пронизанных электрическими импульсами, пульсировала жизнь, но была и иная, теневая сторона — мир безбилетного племени. И я, Контралёр Автобусаи, был его безжалостным охотником.

Моё утро начиналось не с кофе. Оно начиналось с глухого удара тяжелой магнитной карты о валидатор. Этот звук был для меня сродни щелчку затвора снайперской винтовки. Я облачался в свою униформу — строгий жилет цвета мокрого асфальта, который делал меня почти невидимым в полумраке утренних сумерек. На поясе висел не меч, но мой верный клинок — считыватель карт, холодный и безжалостный свидетель чужого обмана.

Я входил в салон автобуса не как пассажир. Я входил в него как судья в зал суда. Воздух здесь был густым, спёртым, пропитанным сотней запахов: дешёвых духов, утреннего перегара, влажной одежды и дешёвого пластика. Автобус покачивался на выбоинах, словно корабль в штормовом море, а я начинал свой медленный, методичный обход. Мой взгляд был рентгеном. Он просвечивал насквозь: нервно теребящие сумку студенты, делающие вид, что увлечены экранами своих телефонов; дремлющие пенсионеры с потухшим

взглядом; хмурые работяги в промасленных куртках.

Охота на «зайцев» — это не просто проверка билетов. Это сложнейший психологический поединок. «Зайцы» — они как хамелеоны. Они сливаются с толпой, становятся невидимками. Их главный талант — актёрское мастерство. Я видел тысячи вариаций этой лжи.

Вот классический «заяц-невидимка». Он стоит в самом центре салона, у поручня. Его тело напряжено до предела. Он смотрит в окно так пристально, словно там показывают финал чемпионата мира по футболу. Но я вижу главное: его рука. Она судорожно сжимает ляпку рюкзака или край куртки, костяшки пальцев белеют от напряжения. Он боится сделать лишнее движение, чтобы не привлечь внимания. Он — статуя, но статуя из плоти и крови, внутри которой бьётся пойманная в силки птица паники.

А вот «заяц-болтун». Этот действует на опережение. Как только я делаю шаг в его сторону, он начинает атаку первым. «Ой, а я только что вошёл!», «Я думал, можно сразу у водителя!», «У меня проездной, просто в другом кармане завалялся!». Его голос звенит фальшивой монетой. Он сыпет словами, пытаясь создать словесную завесу, сквозь которую он надеется проскользнуть незамеченным. Он суетливо хлопает по карманам, выворачивает их наизнанку в поисках несуществующего билета.

И есть самый опасный вид — «заяц-агрессор». Когда маска спадает, он превращается из жертвы в хищника. В его гла-

зах вспыхивает злорадия. «А чего вы ко мне привязались?», «Я на вас жалобу напишу!», «У меня денег нет!». Он пытается перевести стрелки, вызвать чувство вины. Но я — скала. Я не вступаю в диалог. Я лишь молча протягиваю считыватель или указываю на валидатор у кабины водителя. Моё оружие — закон и холодный профессионализм.

Каждый удачный «выстрел» — считанный безбилетный проезд — приносил мне странное, почти мрачное удовлетворение. Это была маленькая победа порядка над хаосом, справедливости над наглостью. Я возвращал в городскую казну крошечную песчинку долга и восстанавливал хрупкий баланс этой сложной экосистемы.

Двери автобуса с шипением закрывались за моей спиной на конечной остановке. Я выходил на свежий воздух, чувствуя себя выжатым как лимон. Охота была окончена до следующего рейса. Я смотрел вслед уходящему автобусу — этому железному ковчегу с его тайнами и драмами — и знал наверняка: внутри остались те, кто проиграл эту тихую битву за честный проезд. А я уже шёл к следующей своей арене, где меня ждала новая партия призраков и новая охота.

Золотая кость в горле Левиафана

Небо, еще час назад ленивое и выцветшее от зноя, налилось свинцом с пугающей стремительностью. Океан выдохнул из своих соленых глубин первый тяжелый вздох, и этот вздох обернулся ледяной стеной воды. Она рухнула на палу-

бу «Солнце рождённого» — белого корабля, чьи борта сияли первозданной чистотой лебяжьего пуха даже посреди этой разъяренной бездны.

Но истинным безумием, вызовом самому морскому дьяволу, была его оснастка. Паруса, сотканые из тончайшего египетского льна, казались вырванными крыльями ангелов. А по-русски выкованное золото — не тонкая сусальная фольга, а тяжелая, честная вязь червонного металла — оплетало корабль густой сетью. Каждая доска бортов сходилась с соседней под чеканным узором скифских грифонов. Носовая фигура — дева-полуптица Сирин — сжимала в когтях массивный самородок размером с голову взрослого мужа. Резные русалки, обвивавшие бушприт, скалили зубы из чистого золота, и каждая волна, разбиваясь о них, взлетала вверх фонтанами жидкого пламени. В ясную погоду он был похож на сошедшую с небес райскую птицу. Сейчас же эта птица летела прямо в разверстую глотку преисподней.

Капитан Элиазар, прозванный при дворах трех континентов Королем Попутного Ветра, стоял у штурвала намертво. Его ноги, обутые в тяжелые сапоги из кожи морского змея, были широко расставлены. Соленая вода хлестала его по лицу, но он лишь плотнее стискивал побелевшими пальцами мокрое дерево. Штормовой ветер рвал его камзол королевского пурпура, пытаясь сорвать с груди золотую цепь — знак монаршей милости. Но капитан держал курс. Он вел свой белый корабль сквозь ревущую тьму, ведя его туда, где небе-

са сливались с водой в одну сплошную, воющую воронку.

В голове Элиазара не было страха смерти. Страх остался там, на берегу, вместе с покоем, пуховыми перинами и при-торным вином. Здесь, лицом к лицу с пучиной, мысли капитана текли иначе — холодно, остро и прозрачно, как осколки льда. Это были странные, причудливые молитвы человека, который слишком долго играл в бога.

Первая мысль пришла внезапно, пробившись сквозь оглушительный треск ломающейся мачты.

«Какая чудовищная нелепость... Мы везем трюмы, полные шелков, пряностей и алмазов, чтобы купить себе право стоять перед очередным земным королем на одно колено ниже. Мы грабим эти острова, берем в заложники чужих богов ради резных тронов. А океан берет нас всех — голыми, дрожащими, лишенными имен и титулов. Ему не нужны мои алмазы. Ему нужна моя душа. И сейчас я готов отдать ее даром, без торга».

Огромная волна цвета застывшей смолы подняла корму «Солнцерженного» почти вертикально. Палуба ушла из-под ног, и мир перевернулся. Капитан повис на штурвале, чувствуя, как хрустят плечевые суставы. Прямо перед его глазами, в зеленоватой толще воды, проносились обломки сундуков, рассыпавшиеся рубины, мертвые матросы с удивленно распахнутыми глазами и пузатые винные амфоры. Грудь сдавило нехваткой воздуха, но он успел подумать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.